

дорогами (просеками, речками)» (ср. в речи: «тот мир мне понравился»), *пыхтун* «крутая гора» (есть уже и уменьшительное *пыхтунчик*).

Пока существует человечество, будут существовать и географические названия. Несмотря на соблазнительность идеи замены топонимов на буквенно-условные или другие подобные им индексы, она скорее всего, к счастью для человека и его языка, осуществима только на уровне каталогизации топонимов. При этом далеко не безразлично, какой будет топонимия будущего: лакуны в современной естественной топонимии продолжают увеличиваться, а среди искусственных по происхождению топонимов множество аномальных и убогих. Нет сомнения, что искусственная номинация в топонимии — процесс объективный, необходимый и развивающийся, вместе с тем искусственная номинация должна быть адекватной, т. е. должна отвечать строгим критериям топонимической науки и практики. А для этого необходимо хорошо представлять себе принципы возникновения названий и его механизм. Автор надеется, что опыт создания условной топонимической системы будет в какой-то мере полезен именно в этом отношении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Матвеев А. К.* Топономастика и современность // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8—9. С. 13—14; *Он же.* К интерпретации одной условной топонимической системы // Этимология. 1984. М., 1986. С. 132—136.

² Слова *Узкоколейка* и *Шалаш* (см. разд. Б), строго говоря, нельзя считать настоящими топонимами, тем не менее они включены в перечень названий вследствие сформировавшейся у нас однозначной связи между этими именами и определенными объектами, а также из-за их важности для вторичной номинации и системы топонимов в целом.

³ Подробнее об этом см.: *Матвеев А. К.* К интерпретации одной условной топонимической системы. С. 133.

Т. С. Непряхина, М. Э. Рут

Свердловск

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВ НОМИНАЦИИ

Сущность и специфика любого явления отчетливее и нагляднее прослеживается при исследовании типологии его реализаций. Образная номинация — несомненный факт языка в целом и ономастики в частности. Однако непротиворечивая концепция образности

в языке и образной номинации как процесса создания образного слова пока не нашла воплощения в научной литературе. Спорными остаются затронутые исследователями вопросы соотношения образности и мотивированности [1], образности и экспрессивности [2], образности и метафоричности [3]. В то же время практика анализа образной лексики обычно ориентируется на вполне определенный круг лексем, а именно — на слова-метафоры, сохранившие в себе дуплановость содержания, возникшую в результате переноса. Очевидно, это справедливо и в плане теоретическом, ибо, если вернуться к исходному понятию образа как «целостного наглядного представления о предмете» (здесь мы ограничиваемся уровнем чувственного восприятия), то образность равна предметности, что по отношению к языку может быть расшифровано как опредмеченность семантики образного слова, т. е. как наличие в ней в качестве ядра не понятия, а представления о предмете, который отождествляется с обозначаемым. В плане номинации это реализуется как обозначение одного предмета через другой. Если номинация осуществлялась в целях создания новой экспрессивной единицы языка, то наличие представления в семантической структуре слова послужит дополнительным средством создания экспрессивно-эмоционального фона и сохранится в слове надолго. Если же цель номинации — вербализация нового понятия, то понятие, как правило, вытесняет представление и образность угасает, возрождаясь в определенных ситуациях благодаря внутренней форме слова, хранящей след исходного отождествления. Есть, однако, и в номинативной лексике сферы, где сохранение исходной образности не препятствует, а способствует восприятию лексической единицы.

Такой сферой, как представляется, можно считать ономастику в целом, так как в имени собственном, в отличие от нарицательного, понятийное ядро либо отсутствует (как считает большинство исследователей), либо имеет другую, чем в апеллативе, структуру. Основная функция имени собственного — не обобщать, а выделять, различать, и здесь заложенный в названии образ обретает действенную силу. Оговоримся, что речь идет не о синонимии именно к образной номинации, а лишь о сохранении образности там, где таковая возникла. Для большинства ономастических объектов различение осуществляется с помощью экстралингвистических моментов, и слово-название лишь закрепляет такое различие. В народной астрономии, где проявление экстралингвистических факторов осложнено отдаленностью и абстрактностью объектов звездного неба, свойства образных названий сохраняются веками, так как образ здесь является в известной степени орудием нахождения объекта на небе. Именно поэтому астрономия послужила в данном случае материалом для разработки типологии образной номинации: здесь мы имеем дело с классическим случаем ее реализации. Типология основана на, окказиональных названиях, полу-

ченных в результате ряда лингвистических экспериментов, и на названиях узуальных, существующих в языках народов Северного полушария. При этом данные эксперимента используются как повод к выделению определенных типов номинации (поскольку живые номинации в ходе эксперимента позволяют наблюдать за самим процессом номинации, рельефнее проявляют свои характерные черты), а узуальные названия служат для корректировки выводов. Проверке выработанных положений способствуют и обратные эксперименты, проведенные по итогам работы.

Эксперименты проводились как с детьми от 8 до 10 лет, так и со взрослыми — студентами исторического, филологического, философского факультетов Уральского университета, Свердловского архитектурного института, педагогического института, врачами, работниками Свердловского Дома моделей. В экспериментах принимали участие 368 человек.

Эксперимент № 1 имел своей целью получение исходного материала. Испытуемым был предложен фрагмент искусственно смоделированного звездного неба (14 «звезд») и поставлена задача: выделить «созвездия» и назвать их. Участники эксперимента выделяли на «небе» от 1 до 3 «созвездий», как включая в них все «звезды», так и оставляя некоторые за пределами номинации. В основной номинация выделенных созвездий оказалась связанной с тремя типами-моделями: «= человек», «= животное», «= предмет быта» (в широком понимании). В процентном отношении материал выглядит следующим образом:

Модель	Окказиональные названия		Узуальные названия [4]
	Взрослые	Дети	
«= человек»	9	7,5	11,3
«= животное»	45	22,5	15,4
«= предмет быта»	33	62,2	48,4

Как видно, и в окказиональных, и в узуальных номинациях за пределами указанных трех моделей остается незначительная часть материала. Отметим одну модель окказиональной номинации, не нашедшую соответствия в народной астронимии. Это названия, условно обозначенные как абстрактные: *созвездие Взаимопонимания, Идея, Чепуха. Печаль* и некоторые другие. Они встречаются только у взрослых и составляют около 13%. Появление такой модели отражает в известной степени несколько искусственную ситуацию эксперимента (нет установки на коммуникацию). В то же время она — свидетельство изменившегося уровня мышления, а также показатель того, что абстрактное понятие может осмысляться предметно.

Заслуживает внимания соотношение двух взаимосвязанных процессов при номинации: выделения объекта номинации и выбора названия. Эксперимент позволил разграничить два подхода: в первом случае испытуемые старались прежде всего выделить объект, выбрать группу звезд, которую они оценивают как единое созвездие, и затем подобрать название, во втором случае испытуемые ищут объект, исходя из уже заданного образа, и их воображение «дорисовывает» на листе те детали, которых объекту недостает. Рассмотрим подробнее каждый из случаев.

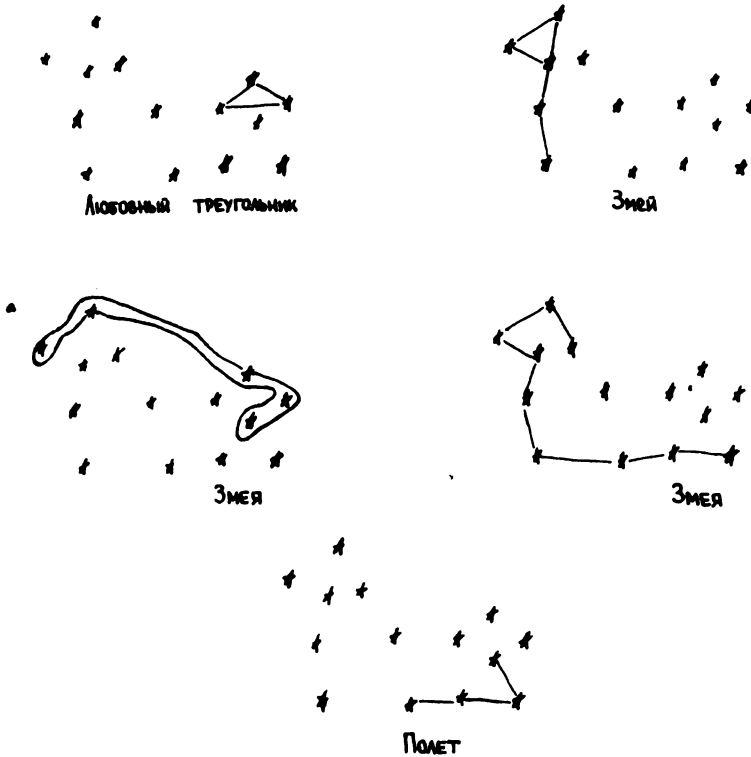

Рис. 1

В ненаправленном поиске объекта испытуемый ориентируется на объединение точек-звезд в определенные геометрические фигуры или линии: треугольник, четырехугольник, прямую, дугу (рис. 1). Характерно тяготение к краю листа как к началу поиска, вычерчивание объекта точно по точкам. Полученный объект может далее получить разные по способу номинации названия

(ср. *Треугольник, Змея, Полет* — прямая номинация, образная, символическая), при этом естественно тяготение к образной номинации как к возможности «оживления» абстрактных геометрических конструкций. В назывании выделенного объекта проявляется творческая фантазия испытуемого, название отражает интересы, вкусы субъекта номинации, возможности его образного видения. Показательны в этом отношении случаи, когда испытуемые воспринимают как объект номинации весь заданный рисунок в целом, но каждый по-своему интерпретирует его в названии (рис. 2).

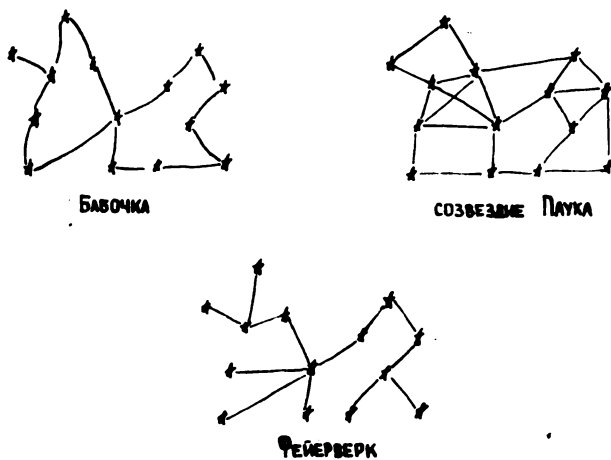

Рис. 2

Иногда, выделив объект, испытуемый не может подобрать к нему соответствующий образ, и тогда в названии находит отражение признание номинатором своей «беспомощности» — *Стереотип, Чепуха, Безымянное*.

Направление поиска объекта могло определяться (осознанно или бессознательно) и знанием реальных созвездий. В эксперименте таких случаев 3 (рис. 3): здесь явно ощущается стремление найти на искусственном небосклоне всем знакомый ковш Большой Медведицы.

Таким образом, в ситуации номинации можно выделить следующие моменты: *выбор объекта номинации* (этого этапа может и не быть — в тех случаях, когда за объект принимается все изображение, хотя и здесь обращение ко всему изображенному на листе как к единому объекту номинации могло являться результатом выбора); *оценка его свойств* (в эксперименте этот этап сливается с предыдущим; поскольку речь идет о неподвижном плоскостном изображении, то единственным свойством оказывается форма; очерчивая линией входящие в созвездие звезды, испытуемый неред-

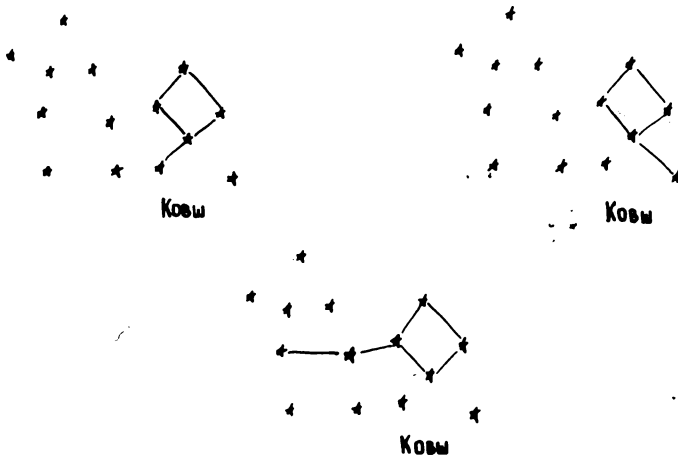

Рис. 3

ко совмещает выработку представления о форме созвездия с определением данной группы звезд как созвездия; оценка свойств может оказаться и «нулевой» — объект оценивается как не имеющий определенной формы); *выбор названия* — *собственно номинация*. Поскольку форма оказывается достаточно изощренной, оценка ее выливается в отождествление с формой того или иного известного объекта действительности, и название этого объекта становится названием созвездия. Однако встретились случаи, когда название возникло ассоциативно, не отражая форму, а отталкиваясь от нее: объект — *парусник*, название — *Ветер*; объект — *угол*, название — *Полет*; объект — *паутина*, название — *созвездие Паука*. Наличие таких названий подчеркивает творческую роль субъекта номинации, но в целом охарактеризованную номинацию можно определить как отобъектную, ибо в основе ее — стремление выразить в названии свойства объекта.

Эксперимент показал, что возможен и иной подход: когда главной движущей силой в процессе познания и номинации объекта оказывается заданный образ: номинатор хочет увидеть в объекте определенные свойства (в данном случае — определенную форму) и видит их, при необходимости «дорисовывая» объект. В эксперименте дорисовывание происходило в буквальном смысле этого слова. Примеры таких «дорисовок» см. на рис. 4. Изображение объектов здесь существенно отличается от предыдущих рисунков: точки-звезды здесь не определяют изображение, а как бы аккомпанируют ему; и фигура кота, и женская фигура существуют в рисунке самостоятельно, звезды, их расположение просто не противоречат рисункам. Название определяется образом, однако возможно приспособление образа к объекту при номинации: *созвездие Слепого*

Кота (рис. 4, а) — на глаза «не хватило» звезд, они дорисованы, но остается ощущение неполноценности воплощения образа в объекте (может быть, благодаря устойчивой образной параллели *глаза — звезды*). Возможно и ассоциативное развитие образа в названии: *женщина в причудливом одеянии* (характерно, что испытываемая — модельер) — *танцовщица — Айседора* (рис. 4,б).

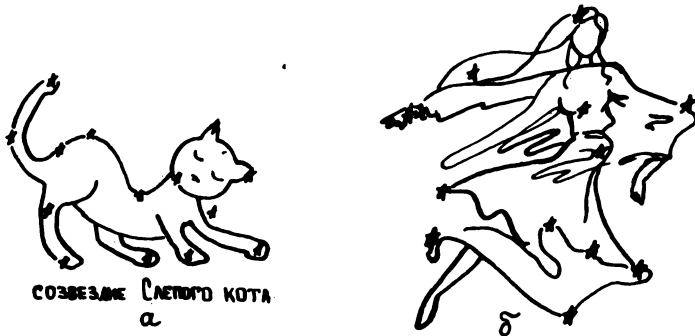

Рис. 4

Таким образом, можно говорить о двух типах номинации: объектном и отсубъектном. В первом случае восприятие объекта свободно, ненаправленно, во втором — диктуется определенной образной моделью, существующей в сознании номинатора, его моделью восприятия мира. Другими словами, в первом случае образ формируется в процессе познания объекта, во втором — образ первичен и обуславливает познание объекта.

Если соотнести эти типы с семантическими моделями, обращает на себя внимание то, что отобъектная номинация тяготеет к модели «предметы быта», отсубъектная — к моделям «человек» и «животное». В этой связи показательны результаты эксперимента № 2: испытуемому было задано количество звезд (7), из которых нужно было составить созвездие и дать ему название. Была сделана оговорка — название должно быть образным. Полученные 9 созвездий (рис. 5) были вновь предъявлены испытуемому вместе со списком названий, причем названия приводились все, а созвездий каждый получал лишь 6 из 9 (исключалось созвездие, составленное испытуемым, и еще два — произвольно). Тем самым конструировалась ситуация отсубъектной номинации, ибо образы задавались изначально (хотя и с некоторой долей выбора).

Эксперимент показал, во-первых, способность испытуемых увидеть один и тот же образ в различных объектах (рис. 6), различные образы в одном объекте (рис. 7). В ряде случаев испытуемые сами предлагали разные возможности восприятия одного объекта (рис. 8). Самыми «узнаваемыми» оказались образы *страуса, кота, мотоциклиста* и *розы*. Образы предметов гораздо менее активны.

В народной астрономии номинации по модели «=человек» и

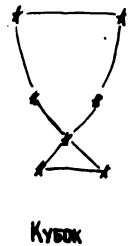
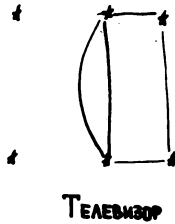
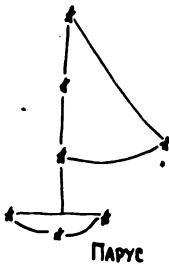
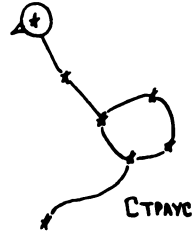
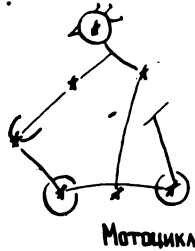
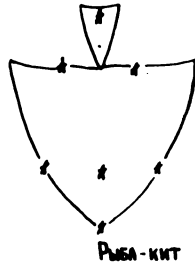
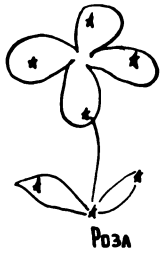

Рис. 5

«= животное» восходят, как правило, к мифологическому типу [5]. Этот древнейший тип номинации астрообъектов можно, очевидно, охарактеризовать как отсубъектный, поскольку восприятие объектов звездного неба диктуется здесь системой мифологической картины мира, существующей в воображении субъекта номинации — народа-номинатора. Анимализм и антропоморфизм древних стал основой для зооморфической и антропоморфической моделей восприятия объектов, которые, как показывает материал экспериментов, и реализуются при отсубъектной номинации.

Рассмотренный материал позволяет выделить два типа отражения образа в номинации: *непосредственное* (когда название отождествляемого предмета становится названием созвездия) и *ассоциативное* (когда в сознании номинатора возникает ассоциа-

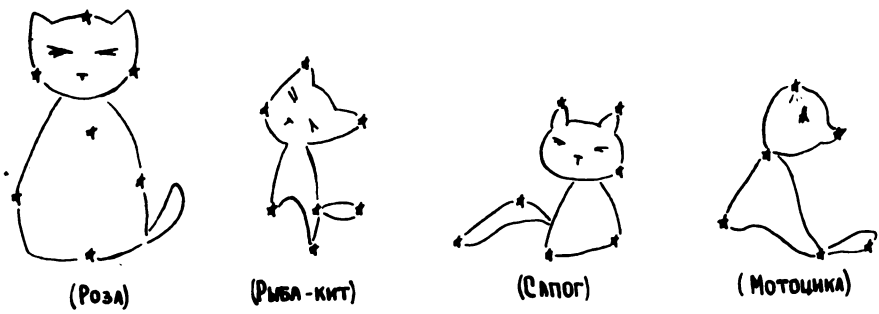

Рис. 6

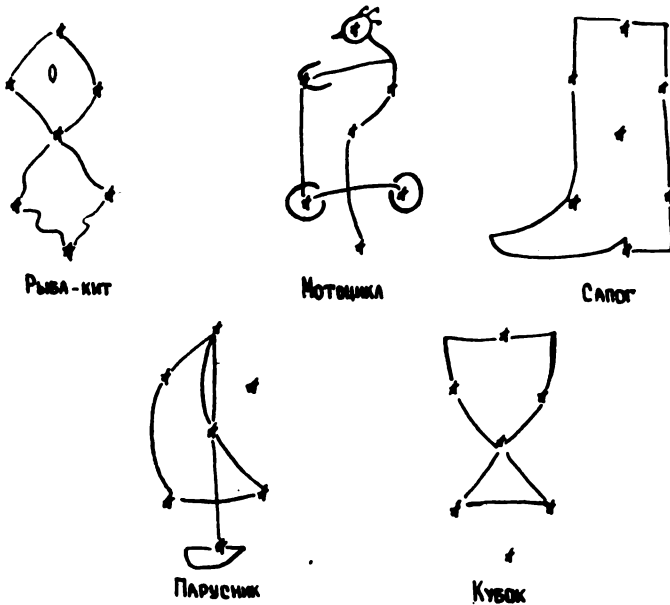

Рис. 7

тивная цепочка, толчком и первым звеном в которой становится образ отождествляемого предмета). Тот и другой тип возможны как при отобъектной, так и при отсубъектной номинации. Приведем дополнительные примеры, иллюстрирующие разворачивание ассоциативных цепочек.

Отобъектная номинация (см. рис. 8, а, б, в). *Созвездие Зевса* (рис. 8, а): *ломаная линия — зигзаг — молния* (стандартное развитие при восприятии зигзага) — *Зевс-громовержец*. *Мушкетеры* (рис. 8, б): *крест — скрещенные шпаги — дуэль — мушкетеры*

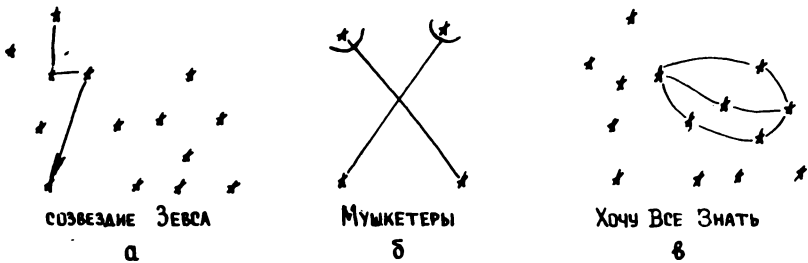

Рис. 8

теры. *Хочу Все Знать* (рис. 8, в): *округлый предмет — орех — заставка популярного детского киножурнала — название журнала* (здесь интересен «обратный ход», встречный ходу ассоциаций создателей заставки). Примеры показывают, что развитие ассоциативной цепочки зависит от опыта субъекта номинации, но исходным толчком везде служит объект номинации, его форма. В процессе ассоциативного развития образ усложняется, становится более обобщенным.

При отсубъектной номинации направление разворачивания ассоциативной цепочки определить трудно: оно может быть и от чисто предметного образа к обобщенному или символическому (ср. возникновение названия *Айседора*), и наоборот. Последнее направление хорошо прослеживается при обратном эксперименте: получив задание соотнести объекты с названиями *Хочу Все Знать* и *Не Руби Сплеча*, испытуемые отразили в изображениях возвращение от обобщения к предметным рядам, причем ассоциативное разворачивание оказалось достаточно индивидуальным. Как явствует из рис. 9, название *Не Руби Сплеча* получило выход на образ *взрыва* (9, а), *топора* (9, б) и даже на систему двух образов, символизирующих экологическую проблему (9, в). Название *Хо-*

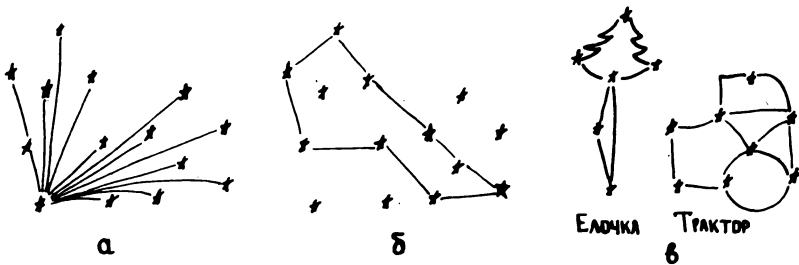

Рис. 9

чу Все Знать, наряду с попытками так или иначе интерпретировать знакомую заставку к киножурналу, вызвало ассоциации с пред-

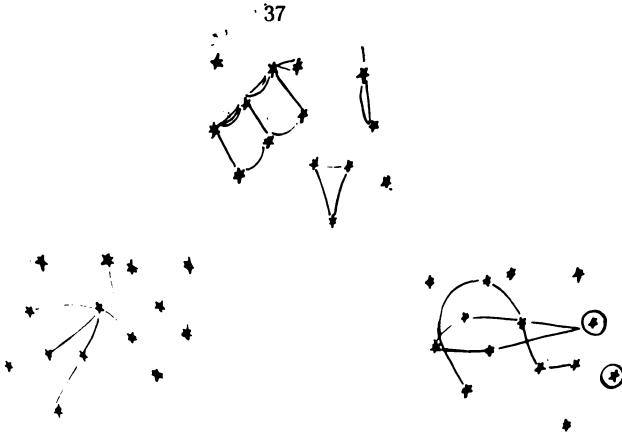

Рис. 10

метами или явлениями, символизирующими, с точки зрения испытуемых, желание знать: *с вопросительным и восклицательным знаками, стрелой, книгой и ручкой* (рис. 10). Хотя данные такого эксперимента нельзя оценивать как номинации (это факты восприятия номинаций), однако для понимания возможностей разворачивания ассоциативных рядов материал эксперимента оказывается весьма полезным.

Заслуживает внимания и тот факт, что в ряде случаев обобщенной номинации соответствует не один образ, а система образов, причем можно говорить о тяготении к созданию самостоятельных номинаций, связанных с каждым из образов. Разработка образа, находящая отражение в наименованиях, встречается и в общепринятой астрономии, как научной (ср. *Орион — Пояс Ориона — Меч Ориона; Дева — Спика*, т. е. «колос», который «дева» держит в руке), так и народной (ср. *Курица с цыплятами — Плеяды*). Можно говорить, что подобной разработкой общего мифологического образа является нередко вся система названий созвездий у того или иного народа (развернутый образ небесной охоты у народов Севера, образ небесного пастбища у тюрков, образ сельской улицы у славян). Подобные номинации, внутренне связанные между собой, можно назвать системными, противопоставив их одиночным, или автономным.

Данные проведенных нами экспериментов, как правило, одиночные номинации. Три случая позволяют, однако, интерпретировать их как номинации системные (рис. 11).

Возникает вопрос об отношении системной номинации к ассоциативной. Если системная образная номинация — это развертывание образа в пространстве, то ассоциативная дает развитие образа во времени. Системная номинация уточняет, ассоциативная — порождает новый образ. Ассоциативная номинация много-

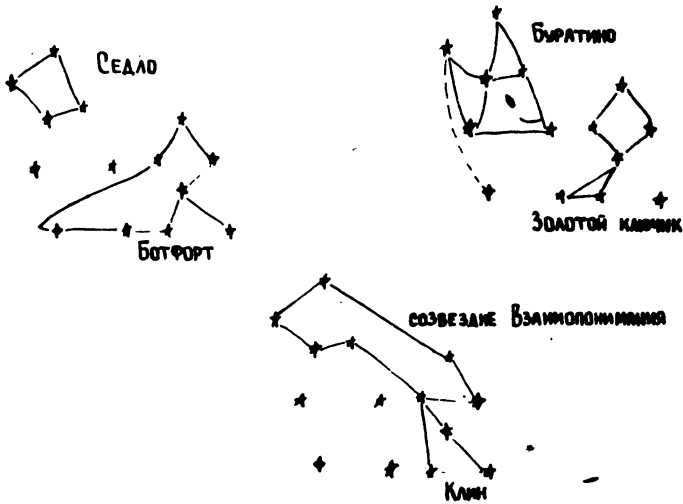

Рис. 11

направленна, системная — определена объемом исходного общего образа. Между тем в процессе номинации оба типа могут выступать в комплексе. Так, отождествление объекта с ключом порождает ассоциативную цепочку: *ключ* — *золотой ключик*, а следующим этапом становится системное развертывание: объект, расположенный рядом с «золотым ключиком», интерпретируется как *Буратино*. При таком развертывании номинации можно говорить, что она зарождается как отобъектная, а затем становится отсубъектной, так как дальнейшее восприятие объекта диктуется параметрами субъективно заданной системы. В случае *Орион* — *Меч* — *Пояс* картина обратная: исходная номинация возникает как отсубъектная, продиктованная мифом, однако системная разработка отобъектна, ибо основана на изучении свойств объекта (взаимном расположении его частей, их формы, размеров и др.). Очевидно, здесь можно говорить об отобъектной системной детализации образа и об отсубъектном развитии системы виширь, когда первый образ диктует восприятие остальных объектов.

Таким образом, данные экспериментов позволили подразделить образную номинацию: по движущему мотиву — на *отобъектную* и *отсубъектную*; по характеру воплощения образного представления в названии — на *непосредственную* и *ассоциативную*; по наличию/отсутствию внутренней связи данной номинации с остальными — на *однокомпонентную*, или *автономную*, и *многокомпонентную*, или *системную*.

Соотношение типов можно представить в виде следующей схемы:

Противопоставление простой и мифологической номинации в схеме взято в квадратные скобки, так как простая отсубъектная номинация проявилась только в условиях эксперимента, а мифологическая зафиксирована только в естественной астронимии.

Наиболее частотными в эксперименте оказываются отобъектные автономные непосредственные номинации. В народной астронимии можно говорить о движении от отсубъектной мифологической (= системной) к отобъектной автономной номинации. При проведении обратных экспериментов, предполагающих соотнесение номинации с объектом, оказалось, что существует стремление воспринимать любую номинацию как автономную и непосредственную.

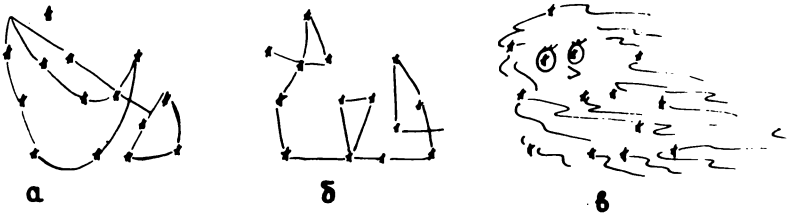

Рис. 12

Ассоциативные номинации при этом переосмысляются. Так, ассоциативная номинация *Ветер* (рис. 12, а) при обратном эксперименте интерпретирована как непосредственная (рис. 12, б); некоторые испытуемые, затрудняясь в изображении такого «незрительного» образа, персонифицировали его (рис. 12, в). Стремление увидеть

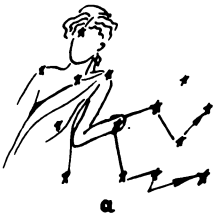

Рис. 13

в объекте именно то, что отражено в названии, проявилось и при интерпретации *созвездия Зевса* (рис. 13, а); однако для данного созвездия оказалось возможным и восприятие ассоциативной номинации самой по себе (рис. 13, б) — такие случаи составили 35,5% от общего числа тестов. Следовательно, можно говорить о наличии определенной модели ассоциативной номинации «*молния — Зевс*» (ср. избра-

жение молнии в непосредственных интерпретациях образа — рис. 13, а).

Обратные эксперименты наглядно иллюстрируют творческий характер образной номинации: заключенный в названии образ обладает способностью в известной степени «перевоссоздавать» объект и делать его более доступным для восприятия. При номинации такого типа объектов, как созвездия, это оказывается очень важным, ибо в астронимии название оказывается своеобразным инструментом нахождения объекта. Гибкость образа, возможность

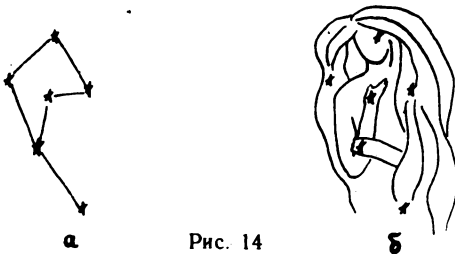

Рис. 14

вариативного толкования воплощения образа в объекте позволяет образному названию долго сохранять мотивированность (хотя мотивировка может и не совпадать, субъективно варьируясь). Эта гибкость, однако, имеет определенные гра-

ницы: при проведении экспериментов возникали ситуации, когда испытуемые не находили соответствия между образом и объектом, предлагали новые образы, более отвечающие, на их взгляд, свойствам объекта. Так, *созвездие Зевса* было интерпретировано как *Воздушный Змей* (рис. 14, а) и *созвездие Девы* (рис. 14, б). Характерно, что предложенные разработки различны по мотиву: первая — отобъектная, вторая — отсубъектная, что хорошо иллюстрирует две возможные причины отказа от предложенной номинации: либо иное представление об объекте, его свойствах (14, а), либо наличие в сознании устойчивой модели образного восприятия (14, б).

Предложенная классификация образных номинаций может быть использована и при изучении образных именовании в иных классах собственных имен [6], а также в апеллятивной лексике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Блинова О. И. Явление мотивации слов: (лексический аспект). Томск, 1984.

² См.: Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986. С. 63 и след.

³ См., напр.: Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. яз. и лит. 1978. Т. 37, № 4.

⁴ Подсчет основан на названиях Большой Медведицы. См.: Рут М. Э. Русская народная астронимия. Свердловск, 1987. С. 17—18.

⁵ См.: Рут М. Э. К вопросу о принципах номинации созвездий // Вопросы топониматики. Свердловск, 1972. № 6. С. 90—91.

⁶ Ср. подобный подход при анализе оронимии в работе: Гридина Т. А. Образные ономастологические модели в оронимии // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. № 12. С. 21—25.